

«КТО МЫ И ГДЕ НАША НЕИМАТ?»: ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв. (на материалах Челябинской области)¹

А.А. Авдашкин

Статья посвящена вопросу этнической идентичности российских немцев на материалах Челябинской области в постсоветский период. На основе региональной периодики, архивных данных, устных историй и глубинных интервью предложены и охарактеризованы модели этнической идентичности российских немцев: ассимиляция, симбиоз, миграция. Кроме того, рассмотрена деятельность немецких культурно-просветительских организаций, приведена статистика внешних миграционных процессов с участием немцев региона.

Этническая идентичность, российские немцы, немцы на Урале, Челябинская область.

Распад СССР и его единого смыслового пространства, противоречия, вызванные сменой социально-экономической и политической модели развития общества, вызвали в нашей стране острый кризис коллективной идентичности. Попытки создания альтернативы утраченной картине мира сопровождались поиском новых ценностных ориентаций, в том числе через обращение к историческому прошлому. В результате на повестке дня появились и проблемы советских немцев, открытое обсуждение которых долгое время находилось под запретом. До начала «перестройки» в сознании советских граждан фактически не существовали советские немцы, а их история являлась пробелом в историографии, поскольку до начала 1990-х гг. исследования по данной теме практически не велись из-за негласного запрета [Черказьянова, 2009, с. 184].

На сегодняшний день история немцев на Южном Урале остается малоисследованной и нуждается в разработке. Из перечня работ, вышедших за последние 10–15 лет по данной проблеме, можно выделить труды И.Ф. Галигузова [2000], В.М. Кириллова [2009], Н.В. Матвеевой [2010], В.В. Степанова [2013]. Вопросам трудовой мобилизации и функционирования «трудовых армий» на Урале в годы войны пристальное внимание уделили историки А.Н. Курочкин [1997, 1998], А.А. Герман [Герман, Курочкин, 1998], А.Б. Суслов [2003], Г.А. Гончаров [2006]. Жизнь немецких религиозных общин на Южном Урале в 1940–1950-х гг. рассматривала А.Н. Потапова [2013]. Отдельно отметим исследование В.М. Кириллова, посвященное исторической памяти и идентичности немцев-трудармейцев [2011]. Краткий обзор историографии по заявленной теме позволяет утверждать, что проблемы исторической памяти и идентичности российских немцев на материалах Урала только недавно заняли свое место в научной дискуссии.

Для приращения научного знания в этом направлении с методологической точки зрения продуктивен междисциплинарный синтез истории, социологии и психологии. Новизной и необходимым уровнем эвристики отличается подход, предложенный В.С. Курске. Согласно позиции автора, этническая идентичность меньшинств, в том числе российских немцев, интегрирует элементы этничности и дополняется иными маркерами (региональные, конфессиональные, лингвистические и гражданские идентичности). Структура этнической идентичности российских немцев в постсоветский период отличается высокой степенью изменчивости и определяется набором маркеров: язык, историческая память, религия и т.д. Однако немецкий язык (и его диалекты) изменил во второй половине XX в. свой функционал и перешел из сферы практического применения в область символов. Изменение функций немецкого языка, а также снижение уровня его знания российскими немцами обусловили приоритетность других параметров: общность исторической судьбы, участие в работе национальных общественных организаций, активизация миграционных намерений [Курске, 2011, с. 12].

В.С. Курске выделяет несколько идеальных типов этнической самоидентификации: 1) отсутствие самостоятельной идентичности российских немцев (нарастающий процесс ассимиля-

¹ Исследование выполнено в рамках целевой программы «Фонд поддержки молодых ученых» ФГБОУ ВПО ЧелГУ «Модели этнокультурного самоопределения и воспроизводства этнической идентичности (на примере немецкой и еврейской диаспор Челябинской области 1989–2003 гг.)» (грант ФГБОУ ВПО ЧелГУ ФПМУ 1/14).

ции расселенных дисперсно на территории России локальных и не связанных сообществ); 2) российские немцы в качестве самостоятельной общности, отличной от родственной им немецкой нации; 3) пограничное или маргинальное состояние, когда попытка выработать групповую идентичность не ведет к ее целостности [Курске, 2008, с. 44–45].

В данной статье предпринята попытка анализа этнической идентичности российских немцев в постсоветский период и определения основных особенностей менталитета данной диаспорной группы на материалах одной из областей Южного Урала.

В качестве источниковой базы из фондов регионального архива привлечены материалы органов власти о межнациональных отношениях в регионе, деятельности немецких национально-культурных центров и общественных организаций (справки, отчеты) [ОГАЧО, ф. Р-274, Р-700, Р-1041, Р-1589, П-288], личные фонды педагога и активиста немецкого культурного центра г. Копейска М.М. Клайна и председателя Челябинского отделения фонда культуры К.А. Шишова [ОГАЧО, ф. П-123, Р-233], справочник общественных и религиозных объединений, зарегистрированных в Челябинской области [ОГАЧО, ф. П-374]. В научный оборот также введены полевые материалы автора, представленные текстами устной истории и свободных интервью. В исследовании были задействованы российские немцы, проживающие в Челябинске и Копейске (30 респондентов). Интервьюирование проводилось в период с мая 2013 по сентябрь 2014 г. Сбор материала шел как в официальной обстановке, с применением диктофона и структурированного опросника, так и в форме бесед в неформальной обстановке и с последующей фиксацией наблюдений в полевой дневник. Возраст информантов от 85 до 18 лет. Наибольшее число (20) находятся в возрасте 40–57 лет. Гендерное соотношение — 10 женщин, 20 мужчин. Активистами немецких национально-культурных обществ региона являются 9 информантов. Отбор информантов происходил методом «снежного кома»².

Кроме того, нашли применение и статистические данные, прежде всего о национальном составе населения по переписям 1989 и 2002 гг., а также материалы региональной периодической печати. Определенную пользу принесли и материалы сети Интернет, где на сайте лютеранской общины г. Челябинска помещен текст интервью с представителем данной общины Гартман.

Всесоюзная перепись населения 1989 г. зафиксировала 39 тыс. немцев, проживающих в Челябинской области [Национальный состав..., 1990, с. 8]. Однако, по оценкам экспертов, сделанным в 1996 г., немецкое население образовывало три группы: первая состояла из лиц, указавших свою принадлежность в переписи населения 1989 г. как «немец» (39 тыс.); вторая группа включала тех, кто скрыл свою этническую принадлежность (не менее 40 тыс.); третья группа была наиболее многочисленна, в нее входили потомки от смешанных браков (она оценивалась в несколько раз больше, чем первая). Другими словами, эксперты, состоявшие в том числе из руководителей и активистов немецких культурных центров, заявляли о возможной численности немцев в области около 180–250 тыс. чел. [ОГАЧО, ф. Р-233, оп. 1, д. 479, л. 2].

Основная часть немцев — бывшие трудармейцы, строившие Челябинский металлургический комбинат и работавшие на шахтах Копейска, Еманжелинска, Коркино в 1940-х гг., а также их потомки. Часть немецкого населения компактно проживала в Октябрьском р-не Челябинской области (Барсучье, Шипинка, Маякский). Они прибыли и осели на этой территории еще до 1917 г. и являлись в этническом плане «изолированными» [ОГАЧО, ф. Р-274, д. 3575, л. 158–160]. Однако численность последних на начало 1990-х гг. не превышала нескольких сотен, а попытка проведения среди них полевых исследований успеха не имела, поэтому отбор информантов происходил в Челябинске и Копейске. В настоящий момент немецкая общность, сформировавшаяся из различных групп, как по времени прибытия в регион, так и по географии зон исхода³ образует две основные и довольно устойчивые категории идентификации: российские немцы и уральские.

Идентичность поколений 1960–1990-х гг. конструировалась через индивидуальное принятие скорее социальной и культурной роли немца, нежели этнической. В результате происходило приписывание индивидом себе ряда качеств, обозначенных как этнические коды, позволяющие отличать «своего» от «другого»: пунктуальность, вежливость, рациональность, честность,

² Метод «снежного кома» — это метод теоретического насыщения, при котором отбор единиц исследования осуществляется следующим образом: первоначально определяется группа подходящих респондентов, в ходе опроса которых выясняются адреса других лиц (знакомых, родственников, друзей, партнеров), которых затем также опрашивают. Процедура возобновляется — узнаются адреса третьих лиц и т.д.

³ Значительно число поволжских немцев, тех, кто еще в советское время прибыл из других регионов Урала. Кроме того, встречаются немцы, перебравшиеся из соседнего Казахстана в постсоветский период.

однозначность карьерной стратегии и т.д. В массовом сознании граждан бытуют представления о том, что этничность — это наследуемая от семьи характеристика. Эти представления находили практическое отражение в том, что история семьи становилась основным местом поиска «корней», а семейные истории выступали базой при конструировании идентичности. Иными словами, достижения прежних поколений, их вклад в развитие мировой культуры, прежние социальные и культурные статусы интерпретировались через идею этничности и воспринимались как личные жизненные ориентиры. В итоге на исторической памяти, с глубокой брешью, соответствующей второй половине XX в., возводился новый конструкт этничности, включающий миф «об общем происхождении» и «общей истории группы». В «общей истории» ключевыми вехами стали переселение немцев в Россию, фиксирующее точку отсчета истории российских немцев, и репрессии в 1940-х гг., предстающие причиной нынешнего статуса группы. Материалы интервью достаточно четко привязаны к этой логической схеме общего прошлого. Для последнего высокую значимость имеют и места памяти, т.е. географические объекты, выполняющие роль когнитивных и аффективных скреп для «общего прошлого». Образы родины представлены так: в качестве реальной родины выступает Челябинск, Урал, Россия. Причем все три понятия применяются синтетически по принципу «матрешки»: *«Челябинск же часть Урала, а что есть Урал? Урал — это Россия. Россия — наша Heimat...»* [Полевые материалы...]. Иными словами, образ реальной родины многослоен и включает в себя локальную идентичность — немцы Урала — и представление о гражданской общности.

Для старшего поколения наряду с Россией важным местом памяти выступает бывшая АССР НП, но она воспринимается не как географическое и социально-политическое понятие. Ее образ связан с отнятой независимостью, автономией и благополучной жизнью предков, незаслуженными репрессиями. Образ республики немцев Поволжья образует исторический ориентир, то, к чему логически должны были стремиться немецкие общественные организации и интеллектуальная элита на рубеже 1980–1990-х гг. Несмотря на тот факт, что Германия осознается как «историческая родина», социально-культурный феномен и географическое место, откуда произошли все немцы, ее роль как места памяти крайне ограничена и существенно уступает идеализированному образу АССР НП.

Для российских немцев, в том числе проживающих на Урале, и на сегодняшний день актуальны проблемы этнической идентификации, вызванные утратой родного языка, культуры, глубокая травма идентичности. Так, например, в г. Копейске уже в начале 1990-х гг. не больше 20–25 % немцев знали язык, традиции, культуру немецкого народа [ОГАЧО, ф. П-123, оп. 1, д. 330, л. 3]. Ситуацию по областному центру и региону в целом можно оценить в рамках этих же показателей (не выше 20–30 %) [Полевые материалы...].

Ассимиляционной моделью отрицается общая групповая идентичность «российских немцев». В качестве оснований на то приводятся: отсутствие общей территории проживания, нарастающие процессы этнокультурного, брачного и языкового смешения и т.д. В данном контексте целесообразно говорить о немцах в России как о нескольких поколениях вынужденных мигрантов⁴, этническая идентичность которых постепенно утрачивалась и носила все более фрагментированный характер.

В ходе интервью респонденты обозначали ассимиляционные процессы и травму идентичности. *«Русская я... не могу себя назвать немкой. После войны я помню, как иногда мне говорили: “О! Немка! Фашистка!”». В какой-то степени это угнетало... Мой брат хотел поступить в какой-то институт — его не взяли. Его “завернули”». «Папа поставил условие, что дети будут лютеранами... я была лютеранкой... но когда папы (немец) не стало, мама (русская) постепенно “перетянула” нас с братом в православие, к нему я пришла в уже сознательном возрасте»* [Полевые материалы...].

Подчеркивалась и утрата немецкого языка: *«Мы знали немецкий, на быденном уровне могли переброситься парой слов в кругу семьи или своих, но в то же время не приветствовалось, что ты где-то на улице говоришь на немецком, хотя запретов-то каких-то вроде не было». «Родители еще дома говорили на немецком, а я уже его не знаю. Я помню, как папа часто ругался: “Пусть дома дети говорят на немецком...”». Мой брат, уехавший в Германию в 1992 г., он знает немецкий... дети мои, конечно, уже не знают»* [Полевые материалы...].

---

⁴ Точкой отсчета вынужденной миграции советских немцев, по мнению автора, является 1941 г., когда произошло упразднение АССР НП и начались депортации и трудовые мобилизации.

К. Кох полагал, что общий уровень утраты немецкого языка в пользу русского составляет среди российских немцев около 70 % (цит. по: [Протасова, 2003, с. 29]). По данным микропереписи 1994 г., только треть немцев области владела немецким языком [Челябинский рабочий, 1995].

Для Челябинской области характерен дисперсный тип расселения немцев, что, по мнению Н.В. Матвеевой и В.М. Кирилова, затрудняло их социальную консолидацию и создавало условия для ассимиляции, «забвения» идентичности. В результате «перекося» половозрастной структуры в пользу мужчин частой стала практика смешанных браков, что создавало благоприятную среду для ассимиляционных процессов, утраты языковой среды и затрудняло самоопределение детей в таких семьях в выборе идентичности [Матвеева, 2010, с. 70; Кириллов, 2009, с. 155].

Ассимиляционная модель дает основания говорить, что немцы в Челябинской области имели отрывочное представление о своих немецких корнях, закрепленное в фамилиях, исторической и семейной памяти о происхождении предков, связями с родственниками, живущими в Германии.

Модель симбиоза позволяла воспроизводить уникальный тип идентичности («российские немцы»), наделенный самобытной культурой, диалектами, историей и самосознанием. Российские немцы предстают как динамично этнизирующееся сообщество, достигшее автономности от обеих материнских культур: *«Нельзя переносить “калькой” немцев Германии на российских немцев — я за то, что формировался уникальный тип, народ. Немцы России... они сохранили то, что привнесли из немецких земель и перенимали традиции окружения. Шло двуязычное преподавание... мой отец знал и немецкий и украинский»* [Полевые материалы...].

В качестве важной особенности этой группы фигурировала институционализация этничности посредством создания общественных организаций, культурных центров для сохранения и развития немецкой культуры. Так, в 1989–1996 гг. были образованы немецкие культурные центры и общественные организации в Челябинске, Златоусте [ОГАЧО, ф. П-374, оп. 1, д. 39, л. 9–10], Копейске [Копейский рабочий, 1996], объединения немцев «Widergeburt» («Возрождение») в Челябинске, Копейске, Еманжелинске [Neues Leben, 1989b], Zukunft («Будущее»), «Содружество» в Миассе, Челябинске [ОГАЧО, ф. П-374, оп. 1, д. 39, л. 8–10].

Заметим, что численность участников и заинтересованных в деятельности центров была различной и культурные общества объединяли от нескольких десятков до нескольких сотен участников. Например, на начальном этапе своей деятельности немецкий культурный центр г. Челябинска включал около 200 чел. [ОГАЧО, ф. П-288, оп. 201, д. 937, л. 7]. Наибольшие затруднения в работе таких общественных формирований вызывала проблема финансирования, поэтому зачастую их деятельность держалась на энтузиазме активистов и руководства.

При организации в 1989 г. немецкого культурного центра в г. Челябинске прошло социологическое исследование по изучению языковых процессов и роли культурного центра в сохранении этнокультурных традиций. Его результаты показали уровень знания немецкого языка: «понимали немецкую разговорную речь» — 45 %; «понимали, читали, писали» — 40 %; «желали изучать немецкий язык» — 61 %; «желали передать молодежи и детям знание языка» — 84,6 %, «обычаи и традиции» — 67 %; от немецкого культурного центра ждали в основном следующего: «основные направления в работе центра — передача обычаев и традиции» — 61 %; «наиболее интересные темы: изучение истории советских немцев» — 64 %; «встреча с интересными людьми» — 42 % [Полевые материалы...].

Как можем заметить, респонденты хотели передать традиции и культуру своим детям, будущим поколениям, вместе с тем знание языка в среднем находилось на низком уровне — он не выступал как повседневное средство общения в советский период, отсутствовала система образования на немецком, что приводило к сокращению его роли.

Немецкий культурный центр организовал активную культурно-просветительскую деятельность, включавшую празднование Пасхи, Рождества, дней немецкой культуры, обустройство и содержание кладбища трудармейцев, действовала детская воскресная школа, велось изучение немецкого языка, культуры, истории немцев края [ОГАЧО, ф. Р-274, оп. 10, д. 3573, л. 24]. На заседаниях постоянной комиссии по науке, культуре, народному образованию и национальным вопросам при областном Совете народных депутатов отмечался удачный опыт работы воскресных школ, образованных еврейским и немецким культурными центрами [Там же, д. 3710, л. 14].

Особую роль в передаче традиций, организации культурного досуга и общения российских немцев, особенно для людей старшего поколения, играли фольклорные коллективы. В 1990 г. в г. Коркино для сохранения языка, самобытности немецкого населения образовали ансамбль немецкой музыки «Эдельвейс» [ОГАЧО, ф. Р-1589, оп. 1, д. 2899, л. 52]. При его участии прохо-

дили дни памяти трудармейцев, жертв политических репрессий, празднование Пасхи и Рождества, немецкие праздники в городах области [Там же, д. 2725, л. 77, 95; д. 2899, л. 97, 105]. В 1969–1993 гг. вел творческую деятельность ансамбль «Кристалл», с 1988 г. — ансамбль немецкой музыки. «Кристалл» активно гастролировал, выступал на праздниках немецкой культуры и музыки в России и Казахстане [Там же, д. 2715, л. 78–82].

На внимательное отношение российских немцев к возрождению своей культуры в малых городах области указывает и то, что при культурном центре г. Коркино работала библиотека на немецком языке, собранная самими активистами, в местной газете «Горняцкая правда» регулярно выходила специальная страничка, посвященная проблемам развития немецкой культуры [Там же, д. 2718, л. 13; д. 2725, л. 10–11].

Сложнее складывалась ситуация с изучением языка и организацией языковых курсов. В 1994 г. при воскресной школе немецкого культурного центра работали две группы по 15 чел. каждая [Там же, д. 2850, л. 130]. На 1996 г. на территории области работали 7 немецких творческих коллективов (Златоуст — 1; Коркино — 2; Миасс — 3; Челябинск — 4), культурные центры действовали в Челябинске, Златоусте, Коркино и Миассе [ОГАЧО, ф. Р-233, оп. 1, д. 479, л. 10].

Немецкий язык не изучался как родной в школах региона. Исключение составляли лишь углубленные курсы его изучения в общеобразовательных школах. В Челябинске, Златоусте, Барсучьем, Маякском, Подовинном немецкий язык по этим программам изучали 1670 учеников. Воскресные школы работали в Челябинске (50 чел.), Златоусте (34 чел.), Миассе (13 чел.), Барсучьем (18 чел.). Уровень обеспеченности необходимыми учебными пособиями в среднем по области составлял около 50 % [Там же, л. 11].

В 1995 г. в Миассе прошел специальный семинар, посвященный «перспективным моделям деятельности центров и обществ российских немцев». Мероприятие проводилось Союзом немецкой культуры и Международным союзом российских немцев [ОГАЧО, ф. Р-1589, оп. 1, д. 2899, л. 19]. В 1996 г. Коркино посетили референт Германского союза в поддержку немцев за рубежом К. Вакс и эксперт-консультант при Министерстве по делам национальностей и региональной политике Российской Федерации Н.Е. Прянишников. Цель визита заключалась в знакомстве с работой немецких культурных центров и изучении культурных запросов немцев, проживающих в области. Делегация посетила немецкий культурный центр и концерт ансамбля «Эдельвейс» и осталась довольна активной деятельностью последних в возрождении немецких традиций, языка и культуры на Южном Урале [Там же, д. 2899, л. 35; Горняцкая правда, 1996].

Действовали немецкие организации и в Магнитогорске, поддерживая связи с иными объединениями области, успешно работал фольклорный ансамбль «Нахтигаль» [Галигузов, 2000, с. 449]. Для желающих изучать немецкий язык открылись языковые курсы, праздновались Пасха, День благодарения и урожая. Для повышения эффективности работы общественных объединений GTZ (Германское общество по техническому сотрудничеству) выделило грант на обустройство центра встреч российских немцев в г. Магнитогорске [Магнитогорский рабочий, 1999а].

В 1997 г. создали немецкую региональную национально-культурную автономию. Ее цель заключалась в возрождении культуры и традиций российских немцев в пределах области, а также создании для них благоприятных социально-экономических условий [Вечерний Челябинск, 1997]. В Челябинске, Копейске, Октябрьском р-не организовали 22 группы по изучению немецкого языка. В 1997–1998 гг. проводились три загородных лагеря по изучению немецкого языка и культуры, которые посетило в общей сложности 120 учащихся [Южноуральская панорама, 1999]. В рамках этих программ на оз. Тургояк в 1998 г. проходил летний лингвистический лагерь «Quelle» (с нем. «источник») [Содружество, 1998].

В 1997 г. прошла встреча с координаторами немецкого проекта по техническому сотрудничеству с Россией. В рамках встречи стороны заключили договор об организации языковых курсов на средства гранта. В результате информационно-обучающий центр «Знание» работал по программе «Breitenarbeit» (с нем. «широкая работа»), заключив договор с GTZ, и организовал 15 групп по изучению немецкого языка (в среднем каждая из них насчитывала по 17 чел.). Уже в следующем году их число составило 24 (около 600 обученных). Налаживалось активное сотрудничество со школой № 96 г. Челябинска, где немецкий язык изучался углубленно [ОГАЧО, ф. Р-700, оп. 1, д. 583, л. 44].

В этом же году в г. Челябинске обучающий центр «Знание» и Челябинская городская общественная организация «Widergeburt» (с нем. «возрождение») образовали центр встреч российских немцев, в котором готовили и проводили немецкие праздники: Рождество, Пасха, Карна-

вал, Праздник урожая, День матери, организовывали просмотр и обсуждение фильмов на немецком языке.

Действовал клуб «Muttersprache» (с нем. «родная речь»), при котором работали пять детских и две взрослые группы на бесплатной основе. За 1999–2000 гг. курсы немецкого языка в нем прошло 100 учащихся. Учебная литература, видео- и аудиоматериалы поступали от GTZ и Международного союза немецкой культуры. Аналогичный проект при поддержке кафедры иностранного языка МГПИ функционировал и в Магнитогорске [Магнитогорский рабочий, 1999б].

Помимо культурно-просветительской работы центр встреч занимался социальными программами. При финансовой поддержке GTZ 50 ветеранов-трудармейцев и жертв политических репрессий прошли курс лечения в санатории-профилактории «Алмаз» [Зало, 2000, с. 44–46].

По разным причинам большинство все же находилось в отрыве от своей культуры, языка, традиций. Количество вовлеченных в деятельность культурных центров составляло минимум (от 5 до 10 % на разных этапах). Однако в среде российских немцев существовали и свои представления о немецкой идентичности. Последние складывались на основе образов и позитивных стереотипов о «типично немецком» социальном поведении, организации быта и регуляторах человеческих отношений. По данным исследователя Э.Р. Барбашиной, при ответе на вопрос об определяющих типичного немца признаках чаще всего указываются: «трудолюбие», «исполнительность», «аккуратность», «умение рационально вести хозяйство», «пунктуальность» и т.п. Известно, что этнические группы могут «наделять» себя качествами, которые им приписываются [2004, с. 171–172].

Аналогичную тенденцию можем наблюдать и на региональном материале. *«Семья, так или иначе, оставалась ячейкой воспроизводства этнической идентичности: песни, стихи, праздники, кухня, режим жизни, социальное поведение, отношение к другим людям («обращение на “Вы”»), особенности быта (“чистые окна, чистота, порядок, пунктуальность, порядочность”»). «Основным источником была семья, ее история. Мне нравилось уважительное отношение в семье, в быту, мне нравился язык, немецкий менталитет, дисциплина, качественная система воспитания детей». «Даже, если завтра пройдет переплыв, я не смогу написать, что я русская немка... но быть немкой для меня это быть правильным, педантичным, говорить на немецком, не считать себя “русским” (русском)». «Манера поведения... внутренние качества. Нордический характер, определенный педантизм, идеальный быт... все по струночке налажено» [Полевые материалы...].*

Важным каналом возрождения духовности и этнического самосознания российских немцев являлась религия. Действовали религиозные общины, в организации и деятельности которых значительную роль играли немцы-католики и лютеране: приход Непорочного Зачатия пресвятой Девы Марии Римско-католической церкви в Челябинске и лютеранская община [ОГАЧО, ф. Р-1041, оп. 1, д. 1755, л. 100].

Когда в 1940–1950-х гг. советские немцы подвергались гонениям, молитвенник стал для многих единственным, что соединяло с церковью, помогало сохранить веру. Значительная их часть потом уехали в Германию, а свои молитвенники и книги передали католической общине [Нахтигаль, 2013б, с. 16]. «После выселения, войны и трудармии, когда все родственники были найдены, сестры моей матери помогли мне прийти к Божьему Слову. Книг из дома сохранилось очень мало. Сборник духовных песен был редкостью. Сборники переписывали от руки и передавали друг другу. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. появилась возможность приобретать книги по почте из Риги и Петербурга. Так я приобрела молитвенник Штарка, книгу проповедей К. Блюма, краткий катехизис д-ра М. Лютера. Библию мне прислали из редакции газеты “Neues Leben”» [Гартман].

В 1993 г. началось строительство католического храма на месте бывшего лагеря для трудармейцев, материальные средства на строительство храма католическая община получала из Германии, Австрии, Швейцарии. Большой вклад в завершение строительства внесла католическая община: оказывали помощь строителям непосредственно на стройплощадке, помогали материальными средствами, в уборке мусора. По состоянию на 1994 г. строительство оценивалось в значительную сумму: не менее 10 млн долларов, поэтому в силу нехватки средств в середине 1990-х гг. возникла опасность срыва строительства. Однако даже в недостроенном здании священники В. Палеш и Р. Франица проводили мессы на русском и немецком языках, так как прихожане знали немецкий в недостаточной степени. В 1998 г. община перебралась из молитвенного дома в часовню храма, поскольку он еще не был достроен; на ее освящение пришло много гостей из области (Копейск, Коркино, Чешма, Старокомышинск) и Германии (Гам-

бург). За эти годы община изменилась — появилось немало молодежи. В храме прошло первое венчание молодой пары [Челябинский рабочий, 1994, 1998; Вечерний Челябинск, 1998].

Лютеранскую общину в г. Челябинске изначально образовали бывшие трудармейцы. Многие прихожане лютеранской общины города пережили репрессии и трудармию, прошли лагеря, немало женщин из общины тогда работали на лесоповале [Нахтигаль, 2013б, с. 25]. В общей сложности с 1985 по 2002 г. в Челябинске крестили и конфирмовали около 900 чел.⁵ Больше половины из них к началу 2000-х гг. эмигрировали в страны дальнего зарубежья [Челябинский рабочий, 2002].

Согласно дуальной модели идентичности российские немцы являются переходным «мостиком» между немцами и русскими: они вхожи в оба этнокультурных пространства, но не склонны осуществить выбор. Такого рода идентичность определяется как «конфликтная» даже в том случае, когда индивиду удается примирить две ее составляющие. Обратной стороной вышеописанной ситуации может выступать модель кризиса самовосприятия, когда российские немцы отказываются считать себя русскими, но не воспринимают себя и как «настоящих» немцев. Эта ситуация психологически некомфортна, поэтому носители раньше или позже принимают другие типы идентичности или уходят от решения этого вопроса.

Инструментальная модель (или тип мигранта) выделяется условно, поскольку исходит из понимания идентичности как инструмента для миграции на «историческую родину». Газета «Neues Leben» в 1989 г. отмечала, что причины эмиграции немцев заключаются «в общем экономическом, социально-политическом и культурном кризисе нашего общества. Это всего лишь процесс “голосования ногами” против развала экономики, антинародной национальной политики, очередей и бескультурья... У немцев возможность такого голосования появилась реально» [Neues Leben, 1989а].

По мнению историка В.М. Кириллова, память о репрессивной дискриминационной политике советской и российской властей сформировала и закрепила негативную этническую и гражданскую идентичность в сознании российских немцев и подвигла их к выезду на «родину предков» [2011, с. 348].

Микроперепись 1994 г. показала, что в страны дальнего зарубежья из Челябинской области выезжали в основном немцы. В 1989–1994 гг. выехало около 10 % немцев [Челябинский рабочий, 1995]. Результаты социологического исследования, проведенного по заказу администрации Челябинской области в 1995 г., показали, что для немецкого населения области были характерны миграционные настроения: около трети имели планы сменить место жительства в ближайшие годы [Возрождение Урала, 1995, с. 2].

По переписи, проведенной в 2002 г., немецкое население области с 1989 г. сократилось на 10 758 чел. [Национальный состав..., 2005, с. 6]. Также есть данные, что в первой половине 1990-х гг. Челябинск покинуло 3200 немцев, Копейск — 1000, Коркино — 1300, Миасс — 198, Барсучье — 110, Маякское — 433, Подовинное — 158 [ОГАЧО, ф. Р-233, оп. 1, д. 479, л. 9].

Показательны мотивы миграции В.И. Люфта, прошедшего трудармию и испытывавшего все тяготы после: «В.И. Люфт боялся рассказать детям о своей, как он говорит, жалкой жизни, в которой его очень часто угнетали и унижали. Вот и решил он всей семьей уехать в Германию. Не хочет он, чтобы дети его страдали из-за чиновничьей глупости» [Нахтигаль, 2013а, с. 70].

Таким образом, трансформация этнической идентичности российских немцев происходила на фоне, с одной стороны, дискриминации советского времени, а с другой — диссонанса в постсоветский период, вызванного противоречиями в этнической, конфессиональной, гражданской идентификации и появлением широких возможностей эмиграции в страны дальнего зарубежья.

Базовым этническим кодом, как правило, выступает историческая память, осознание взаимосвязи между семейной памятью и памятью коллективной. История отдельно взятой семьи и ее членов вплетена в контекст истории российских немцев, основными событиями которой выступили переселение в Россию и депортация, упразднение АССР НП. Отметим сложность этнической идентичности российских немцев, ее расположенность к «дрейфу», а именно: ассимиляционная модель включает фрагментарные элементы немецкого самосознания и «русскую» идентичность, как гражданскую, так и этническую; модель симбиоза русского и немецкого этнокультурного компонента приводит к осознанию себя «российским/русским немцем»; в рамках дуальной модели ситуации конфликтных идентичностей, как правило, изживаются в пользу одной из них или в пользу этнической индифферентности; инструментальная модель предполагает

---

⁵ К сожалению, данных о количестве крещенных в католической общине обнаружить не удалось.

ет стремление приобрести немецкую гражданскую идентичность, данную модель трудно охарактеризовать, поскольку мотивы миграционного поведения позволяют рассматривать этническую идентичность как инструмент для смены места жительства.

В настоящий момент сложно сказать, какая из моделей идентичности займет основное место и определит будущее российских немцев. В роли будущей основной модели идентичности можно рассматривать разные феномены и идеи: ассимиляция, эмиграция, автономия, национальные районы, историческое прошлое и т.д. Но наибольший «исторический шанс» имеет, на наш взгляд, модель симбиоза и установка на этнокультурное самоопределение посредством создания диаспор, сети национально-культурных организаций и программ: 1) самоорганизация в местах проживания российских немцев; 2) развитие социальных связей и институтов для сохранения и трансляции этнокультурных ценностей — культурные центры, общественные организации, семья, образовательные структуры, интеллектуальные элиты (лидеры).

Целесообразно обозначить круг рекомендаций для реализации этих задач: 1) проведение исследований по выяснению численности и расселения российских немцев, качественных и количественных исследований и мониторингов по выяснению потребностей и ожиданий российских немцев во избежание неконтролируемого и безосновательного роста надежд и последующего разочарования и апатии; 2) системное исследование ассимиляционных процессов как формы накопления социального капитала. Необходимо понять ассимиляцию не как кризис, а как новый виток развития идентичности группы, изыскивая в нем позитивные компоненты, что позволит в перспективе «пробудить» этническую идентичность в следующих поколениях; 3) превращение районов компактного проживания в территориальные символы российских немцев — конструирование региональных идентичностей; 4) мониторинг и анализ миграционных процессов с участием российских немцев; 5) системное исследование влияния депортации, трудармии, дискриминации на идентичность советских/российских немцев, обнародование исторической правды о них.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- Вечерний Челябинск*. 1997. 17 дек. С. 1.
Вечерний Челябинск. 1998. 19 авг. С. 1.
Возрождение Урала. 1995. 30 авг. С. 1–2.
Гартман О. Член лютеранской общины г. Челябинска // Из истории лютеранства в Челябинске: Воспоминания из жизни детских и послевоенных лет [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.lutherchel.ru/LutChel2.html>.
Горняцкая правда. 1996. 1 ноябр. С. 2.
Копейский рабочий. 1996. 3 дек. С. 1.
Магнитогорский рабочий. 1999а. 2 февр. С. 2.
Магнитогорский рабочий. 1999б. 24 авг. С. 2.
Национальный состав населения Челябинской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.) / Госкомстат РСФСР; Челяб. обл. управление статистики. Челябинск, 1990. 91 с.
Национальный состав населения Челябинской области по итогам Всероссийской переписи населения 2002 года: Стат. сб. / Челябинскстат. Челябинск, 2005. 124 с.
ОГАЧО. Ф. П-123. Оп. 1. Д. 330. Личный фонд педагога и активиста немецкого культурного центра г. Копейска М.М. Клайна.
ОГАЧО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 479. Личный фонд председателя Челябинского отделения фонда культуры К.А. Шишова.
ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Фонд Челябинского облисполкома.
ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 201. Д. 937. Фонд Челябинского обкома КПСС.
ОГАЧО. Ф. П-374. Оп. 1. Д. 39. Справочник общественных и религиозных объединений, зарегистрированных в Челябинской области.
ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 583. Фонд Администрации Челябинской области.
ОГАЧО. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 1755. Фонд Управления юстиции Администрации Челябинской области.
ОГАЧО. Ф. Р-1589. Оп. 1. Фонд Управления культуры Челябинского облисполкома (позднее — администрации Челябинской области).
Полевые материалы. Челябинск, Копейск, 2013–2014 гг. / Авдашкин А.А.
Содружество. 1998. № 5. 1–15 сент. С. 1.
Челябинский рабочий. 1994. 25 янв. С. 7.
Челябинский рабочий. 1995. 9 февр. С. 4.

А.А. Авдашкин

- Челябинский рабочий. 1998. 4 ноябр. С. 1.
Челябинский рабочий. 2002. 23 окт. С. 2.
Южноуральская панорама. 1999. 25–31 марта. С. 5.
Neues Leben. 1989a. 16 Aug. S. 5.
Neues Leben. 1989b. 27 Sept. S. 3.

Литература

- Барабашина Э.Р. Об этническом будущем российских немцев: Сохранение, трансформация, ассимиляция? // Ключевые проблемы истории российских немцев: Материалы X Междунар. конф. Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. М.: МСНК-пресс, 2004. С. 162–176.
- Галигузов И.Ф. Народы Южного Урала: История и культура. Магнитогорск, 2000. 500 с.
- Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941–1945 гг.). М.: Готика, 1998. 208 с.
- Гончаров Г.А. «Трудовая армия» на Урале в годы Великой Отечественной войны. Челябинск: ЧелГУ, 2006. 222 с.
- Зало О.В. Проблема национального и интернационального воспитания в деятельности молодежного клуба при городском центре встреч российских немцев «Видергербурт» («Возрождение») // Международный форум Дети-Молодежь-Общество. Проблемы воспитания патриота и гражданина в современных условиях (Челябинск, 18–19 мая 2000 г.). Челябинск, 2000. С. 44–48.
- Кириллов В.М. Немцы на Урале: XVII–XXI вв. Н. Тагил: НТГСПА, 2009. 288 с.
- Кириллов В.М. Историческая память и самосознание российских немцев (по материалам источников личного происхождения) // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: Материалы XIII Междунар. науч. конф. Москва, 21–23 октября 2010 г. М.: МСНК-пресс, 2011. С. 322–349.
- Курочкин А.Н. «Трудармия»: Историография и источники // Российские немцы: Историография и источниковедение: Материалы междунар. науч. конф. Анапа, 4–9 сентября 1996 г. М., 1997. С. 126–139.
- Курочкин А.Н. Трудармейские формирования из граждан СССР немецкой национальности в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1998. 19 с.
- Курске В.С. Система этнической идентичности и типы этнической самоидентификации российских немцев // Немцы России: Исторический опыт и современные проблемы самоорганизации: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Москва, 29–30 октября 2007 г. М.: МСНК-пресс, 2008. С. 43–46.
- Курске В.С. Множественная этническая идентичность: Теоретические подходы и методология исследования (На примере российских немцев): Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2011. 27 с.
- Матвеева Н.В. Российские немцы на Урале: Проблемы и перспективы развития // Немцы новой России: Проблемы и перспективы развития: Материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 7–9 декабря 2009 г. М.: МСНК-пресс, 2010. С. 69–71.
- Нахтигаль А.Я. Урала немецкий характер. Т. 1. Челябинск, 2013а. 150 с.
- Нахтигаль А.Я. Урала немецкий характер. Т. 2. Челябинск, 2013б. 160 с.
- Потапова А.Н. Религиозные общины немцев на Южном Урале // Немецкое население на Южном Урале в военные и послевоенные годы: (К 70-летию депортации немецкого населения СССР): Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. Оренбург: Университет, 2013. С. 151–160.
- Протасова Е.Ю. Русско-немецкий билингвизм и русский язык: Опыт Германии // Диаспоры. 2003. № 1. С. 29–48.
- Степанов В.В. Немцы на Урале: Вчера и сегодня // Два с половиной века с Россией: (К 250-летию начала массового переселения немцев в Россию): Материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 24–27 августа 2012 г. М.: МСНК-пресс, 2013. С. 696–701.
- Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.) Екатеринбург; Пермь: УрГУ; ПГПУ, 2003. 331 с.
- Черказьянова И.В. Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев и развитие историографии о немецком населении (1990–2000-е гг.). // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Отв. ред. А.Д. Таиров, И.О. Иванов. Челябинск: Изд. Центр ЮУрГУ, 2009. С. 184–185.

Челябинский государственный университет
adrianmaricka@mail.ru

The article is devoted to ethnical identity of the Russian Germans according to materials from Chelyabinskaya Oblast' during the post-Soviet period. Basing on the regional periodicals, archival data, verbal stories and depth interviews, subject to proposal and description being models of ethnical identity of the Russian Germans, such as assimilation, symbiosis, migration. Besides, the author describes the activity of German cultural and education centres, quoting statistics of the external migration processes with the involvement of the Germans from this region.

Ethnical identity, Russian Germans, Germans at the Urals, Chelyabinskaya Oblast'.